

Враг лирического героя силен, ибо он предстает в сборнике как минимум в двух ипостасях: это и оставшиеся в живых сторонники царского режима, и солдаты белой армии. Сила же бунтующей пролетарской индивидуальности обозначается способностью в нужное время ударить в набат и вызвать на борьбу апологетов собственных взглядов. Этот подход, однако, не стоит воспринимать как новаторский, ибо в саратовской литературе он применялся еще авторами первого пролеткультовского сборника «Взмахи».

Многообразие форм литературных произведений, опубликованных в Саратове в годы НЭПа, обуславливает самобытный подход авторов к формированию образа власти. Очевидно, что поэты, участвовавшие в агитационных кампаниях, в частности Петр Орешин, вынуждены были действовать в рамках заданной властными органами концепции текста. Мотив власти, безусловно, не являлся основным в агитационной брошюре для сельских тружеников, однако органично вписывался в структуру поэтического текста. Основными приемами, которыми пользуется агитатор при введении в фабулу негативных персонажей, были сравнение и олицетворение.

Иной подход к изображению мотивов власти демонстрировал А. Винокуров. Лирический герой в его стихах – яркая индивидуальность, борец, призывающий к террору во имя социальной справедливости. Понятие личного счастья для него чуждо, жизненный вектор направлен на всеобщее благополучие, причем цена благоденствия не представляется слишком дорогой. Лирика поэта наполнена лозунговостью, восклицательными предложениями, символикой, характерной для ранней советской поэзии. Для нее характерно использование большого количества глаголов, множество из которых поставлено в форму настоящего или прошедшего времени. Отказ от будущего времени был одним из главных художественных приемов, демонстрирующих, что думы лирического героя сосредоточены только на сегодняшнем дне.

Власть в прозе Льва Гумилевского изображается посредством бытописания человека из

сельской местности. Сравнение царизма и большевизма проводится посредством включения в текст диалогов престарелых крестьян и молодых людей, уже проникшихся идеями социализма. Мотивы власти показаны также через прямую речь чиновника-полицейского, как в рассказе «История одной провокации». Сложность восприятия устоев нового времени представителем старшего поколения продемонстрирована в произведении «Мужицкий сын». На пути становления социалистического общества, по Гумилевскому, возникает ряд идеологических преград, большинство из которых связано с ушедшим, но не забытым строем. Среди этого комплекса барьеров следует выделить неопределенное отношение к собственности и укрепленную на подсознательном уровне зависимость крестьянства от некоего высокого класса.

Примечания

- 1 Пиксанов Н. Областные культурные гнезда : историко-краеведческий семинар. М. ; Л., 1928. С. 59.
- 2 См.: Энциклопедия Саратовского края. Саратов, 2002. С. 493.
- 3 Орешин П. Как с вредителями огорода и сада бороться надо. Сказ в стихах. Саратов, 1925. С. 24.
- 4 Там же. С. 3.
- 5 Там же. С. 28.
- 6 См.: Энциклопедия Саратовского края. С. 486.
- 7 Гумилевский Л. Исторические дни. Рассказы. Саратов, 1922. С. 21–22.
- 8 Там же. С. 34.
- 9 Там же. С. 43.
- 10 Там же. С. 54.
- 11 Там же. С. 123.
- 12 Там же. С. 148.
- 13 Гумилевский Л. Может быть. Рассказы. Саратов, 1922. С. 53.
- 14 Винокуров А. Проломы. Стихотворения. Балашов, 1920. С. 16.
- 15 Там же.

УДК 821.112.2.09+929Людвиг

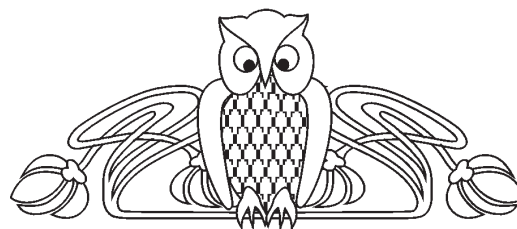
ТВОРЧЕСТВО ЭМИЛЯ ЛЮДВИГА В ОЦЕНКАХ КРИТИКИ

Е. А. Иванова

Саратовский государственный университет
E-mail: elivan1988@gmail.com

Статья посвящена биографии и истории восприятия публикой и критикой творчества знаменитого в 1920–1930 гг. немецкого биографа Э. Людвиг.

Ключевые слова: биография, немецкая литература, Эмиль Людвиг, историческая беллетристика.

Emil Ludwig's Works in Critical Reception

Е. А. Иванова

The article is dedicated to the biography and the reception history of the works of the famous in the 1920-1930 german biographer E. Ludwig by the public and the critics.

Key words: biography, german literature, Emil Ludwig, historical fiction.

В 1920–1930-х гг. имя Эмиля Людвиг было знаменито во всей Европе и за океаном. Только в 1930 г. было продано более двух миллионов экземпляров его книг. Но после завершения Второй мировой войны он стремительно исчез из массового сознания.

Эмиль Людвиг родился в 1881 г. в Бреславе, в семье Германа Людвиг Кона, известного окулиста, привившего сыну либерально-гуманистические взгляды и веру в научный прогресс. В 1902 г. Эмиль принял крещение, а еще ранее отец ходатайствовал о том, чтобы его дети официально получили фамилию Людвиг. Таким образом Кон надеялся уберечь их от нападков со стороны антисемитов, однако сам факт смены имени позднее ставился Людвигу в вину националистически настроенными противниками. В молодости Людвиг был аполитичен, считал главной целью самовыражение личности, и после окончания университета и недолгой работы на предприятии своего дяди по материнской линии, угольного магната, он отдает предпочтение писательской и журналистской деятельности. В 1904 г. Людвиг женится на Эльге Вольф, и в 1906 г. они переезжают в Швейцарию, на Лаго-Маджоре. В этот период Людвиг пишет стихотворения, драмы и романы в неоромантическом стиле, но они не вызывают особого резонанса.

С мая 1914 г. Людвиг становится корреспондентом «Берлинер Тагесблатт» в Лондоне. Не пригодный к военной службе из-за близорукости, он был военным корреспондентом на Балканах, в Турции и в Вене. В годы войны Людвиг становится убежденным пацифистом и переходит на активную гражданскую позицию, которую убежденно отстаивает до конца своих дней в публицистике и биографических работах.

В 1920 г. Людвиг впервые обращается к жанру биографии, и его «Гете. История человека» сразу делает его знаменитым. Популярность биографий, написанных им в следующие два десятилетия, была колоссальной. Его биографии читали во всех слоях населения, как писал В. Моммзен, эти книги интересовали всех, «от прусского генерала до леворадикального интеллигента»¹. Среди его героев были Гете, Наполеон, Бисмарк, Микеланджело, Иисус Христос, Шлиман, Рембрандт, Линкольн и другие. Согласно высказываниям современников, Людвиг был среди самых читаемых писателей Германии, таких как Т. Манн, К. Май, Р. Херцог, и самым издаваемым за рубежом. Вот лишь некоторые цифры: тиражи «Наполеона» составили 825 тыс. экз., «Вильгельма II» – 260 тыс., «Бисмарка» – 193 тыс. экз.²

С 1922 г. Людвиг снова переезжает в Швейцарию, а в 1932 г. в связи с накаляющейся политической обстановкой в Германии принимает швейцарское гражданство. В 1933 г. его книги попали в список подлежащих сожжению с формулировкой: «Нет фальсификации отечественной истории и очернительству великих имен, будем свято чтить

наше прошлое!»³ В 1940 г. Людвиг с семьей эмигрирует в США и до конца войны живет в южной Калифорнии. Этот шаг был обусловлен не только заботой о собственной безопасности. Как немец и известный своими либеральными взглядами интеллигент, знакомый с многими политическими лидерами Европы, Людвиг рассчитывал быть полезным в освещении происходящего в Германии. Он считал себя способным дать союзникам необходимую информацию о немцах, об их национальном характере и о том, как с ними нужно обращаться⁴. Людвиг вел весьма активную общественную деятельность: совершил восемь поездок по США с лекциями, написал три книги о немцах, множество газетных статей, выступал с речами, при этом продолжая писать биографии и эссе. В конце войны он был военным корреспондентом в Германии, благодаря его участию удалось отыскать гробы с останками Шиллера и Гете, исчезнувшие из Веймара в 1943–1944 гг.

После войны Людвиг вернулся в Швейцарию совершенно опустошенным и изможденным и скончался в 1948 г.

Необыкновенная популярность биографий Людвиг была, по мнению многих критиков⁵, частью международного интереса к этому жанру в то время. В Англии этот интерес был связан с именем Литтона Стрэчи, во Франции – Андре Моруа, в Германии – Эмиля Людвиг. Внутри национальной традиции творчество Эмиля Людвиг относят к так называемой «исторической беллетристике». Это выражение изначально использовалось противниками авторов популярных биографий 1920-х гг. в уничижительном смысле, для противопоставления их серьезным историкам, но впоследствии закрепилось как термин. Он объединяет творчество таких авторов, как Х. Эйленберг, В. Хегеман, П. Виглер и Э. Людвиг. Следует заметить, что сами эти авторы не были непосредственно связаны между собой, каждый из них работал совершенно самостоятельно и руководствовался при этом собственными художественными принципами. Объединены данным понятием они оказались прежде всего как современники, работавшие в одном жанре, пользовавшиеся огромной популярностью, и придерживавшиеся либеральных политических взглядов.

Обозначение «историческая беллетристика» впервые появилось в 1928 г., когда вышла брошюра под таким названием. Это было приложение к «Хисторише цайтунг», главному печатному органу официальной историографии в Германии того времени, собравшее под одной обложкой рецензии ученых-историков на выходявшие в 1926–1928 гг. биографии исторических деятелей. Брошюра была дешевой и рассчитанной на широкую аудиторию и вызвала оживленную общественную дискуссию. Спрос на нее был так велик, что потребовалось второе и третье издание.

Тон содержащихся в ней рецензий был крайне резок. Задача брошюры формулировалась в пре-

дисловии так: «...просветить публику по поводу истинной ценности этих произведений»⁶, которую авторы рецензий считали исчезающее малой.

Э. Кольб и У. Киттштейн выделяют следующие причины столь категоричного неприятия:

1) научные: критиковались метод Людвиг, допускаемые им фактические неточности, односторонность подбора цитат, отсутствие в книгах научного аппарата, недостаточная работа с источниками, восприятие великих личностей как основного двигателя истории, изображение их в изоляции, без достаточно проработанного социально-политического фона;

2) страх официальных «цеховых» историков перед популярными аутсайдерами. Историк Э. Керр так комментировал сложившуюся ситуацию: «...историческая беллетристика и ее предводитель Э. Людвиг рассматривала историю не как объект, относительно которого нужно доказать свою ученость, а как объект, который нужно живо и просто вывести перед глазами народных масс. Университеты не делали этого. Значит, это сделалось вне университетов»⁷. Х.-Й. Перрей говорит о возникшем в Германии после Первой мировой войны историографическом вакууме⁸. Официальная история оказалась неспособной занять ответственную позицию по таким вопросам, как, например, проблема ответственности за развязывание Первой мировой войны или оценка личности Вильгельма II. Общество нуждалось в осмыслении прошедшей эпохи, а адекватных исторических работ просто не существовало. Итогом были огромная популярность беллетризованных биографий и естественное раздражение историков. По ироничному замечанию К. Тухольского, Людвигу стоило бы разослать всем своим критикам извинения за свой успех⁹. Критики сходятся во мнении, что спор об исторической беллетристике был явным свидетельством кризиса исторической науки в Веймарской республике¹⁰;

3) политические причины большинства критиков считают наиболее существенными. Академическую историю в Германии того времени все они единодушно называют прусско-националистической и промонархической, в то время как «исторические беллетристы» придерживались левых и республиканских взглядов. Именно политические акценты расставляет и предисловие к брошюре за авторством В. Шулера. Сам Людвиг со всей определенностью считал именно свои политические взгляды причиной гонения на его книги со стороны официальных историков: «До выхода моей книги о кайзере в “Наполеоне” и “Гете” не находили ошибок. После книги, которые националистическая пресса прежде хвалила, были обруганы»¹¹. За выходом брошюры последовало и несколько других направленных против Людвиг акций: в декабре 1928 г. немецкой посланник в Копенгагене У. фон Хассель демонстративно отказался присутствовать на лекции Людвиг, так как тот «не ученый»; на следующий год схожая

ситуация повторилась в Риме. К тридцатым годам противники «исторической беллетристики» захватили ведущие позиции. Выходят работы с характерными названиями: О. Вестфаль, «Враги Бисмарка: духовные основания немецкой оппозиции 1848–1918»; Н. Ханзен, «Случай Эмиля Людвиг», – где упреки в ненаучности отходят на второй план по сравнению с личными, в частности антисемитскими нападениями.

Из четырех авторов, против которых была направлена брошюра, Людвиг оказался единственным, кто принял вызов и выступил с ответом, опубликовав в марте 1929 г. в «Нойе Рундschau» статью «История и поэзия». В ней он противопоставил «старую» и «новую» школы в написании истории, ученых и писателей, выступил за интуитивный подход к истории, поставив во главу угла «полезность для жизни», а не объективность и строгий отбор исторических фактов. Под «полезностью для жизни» он понимал воспитательные задачи: показать, что великим людям не были чужды ошибки, заблуждения и грехи, но они боролись с ними и достигали своих целей, а также продвигать идеи мира и наднациональной человечности в Европе¹². Эта просветительская, гуманистическая направленность творчества Людвиг, его стремление не разоблачать героев своих биографий, а показывать их как образцы для подражания или в качестве предостережения, особо подчеркивается Х.-Й. Перреем, С. Ульрихом, К. Грандманом и другими и отличает Людвиг как от его зарубежных коллег, так и от многочисленных эпигонов.

С. Ульрих делит героев Людвиг на четыре категории: исторические деятели, современные политики, выдающиеся деятели искусства, ученые и изобретатели. К классическому просветительскому канону Людвиг добавляет «великих благодетелей нашего времени», таких как Эйнштейн, Нансен, Шлиман. В современном мире именно деятели науки и искусства, по его мнению, становятся вершителями истории вместо генералов и королей¹³. Людвиг был убежден, что технический прогресс служит и укреплению демократии. К. Грандман замечает, что выглядящие радикальными политические идеи Людвиг (пацифизм, республиканство, идея единой Европы) на деле развивались в рамках традиционного немецкого либерализма XIX в. и в них присутствовали даже элементы анахронизма, когда дело касалось современной массовой демократии или социально-экономических аспектов.

Одним из самых частых упреков в адрес Людвиг является отсутствие в его книгах исторического, социального и экономического фона. Это отмечалось как его недругами-современниками, так и более поздними исследователями, такими как Х.-Й. Перрей, С. Ульрих, Э. Киттштейн. Х.-Й. Перрей замечает, что Людвиг мог себе это позволить, так как его герои были достаточно знакомы публике, и задачей писателя было не представить их биографии впервые, а сделать

их более живыми и человечными, снять налет статуарности. Сам Людвиг считал независимость своих героев от исторического фона признаком современности его книг, а объяснение через внешние причины – устаревшим и неинтересным для современности¹⁴. В героях биографий его прежде всего интересовало «вечно человеческое», а не обусловленное временем. Внешний мир предстает в биографиях Людвиг исключительно как объект воздействия для протагониста. Причем это в равной мере справедливо и для тех героев, которым сам биограф не симпатизирует. Влияние Вильгельма II на развитие исторических событий в изображении Людвиг столь же велико, как и Наполеона, несмотря на критическую оценку первой фигуры.

В основании всех работ Людвиг лежит идея решающего воздействия великих людей на ход истории. Но, как указывает Э. Киттштейн, идея распоряжающейся историей личности вступает в мировоззрении Людвиг в противоречие с не артикулируемой явно, но проступающей сквозь всю структуру его книг идеей телеологичности истории. Людвиг никогда не рассматривает альтернативные варианты развития событий, порой нарушает хронологичность повествования, упоминая в первых же главах события, относящиеся ко времени действия последних. Известный итог оказывается для него неизбежной закономерностью событий, которую невозможно изменить. Таким образом, протагонист так же оказывается подвластен некой силе (судьбе, Богу, провидению, природе), которая распоряжается им. Здесь сталкиваются и конкурируют между собой два подхода к пониманию истории, и побеждает телеологический. Но тогда биографии Людвиг приобретают фаталистический характер, и Э. Киттштейну это дает основание сомневаться в реальном соответствии книг Людвиг провозглашаемым им целям. Фаталистическая тенденция и отказ от анализа должны были только усилить ощущение непонимания происходящего и беспомощности, и так характерные для современного ему читателя. Если Людвиг хотел нести прореспубликанские идеи в массы, то он потерпел неудачу, выбрав несоответствующие этому художественные средства, отмечает Э. Киттштейн¹⁵. С другой стороны, именно такой выбор формы обеспечил Людвигу огромную популярность. Х. Шойер, К. Грандман соглашаются с Э. Киттштейном в том, что представление истории в персонифицированном виде, недостаток рациональности и дистанцированности, изоляция объекта от исторического контекста вполне соответствовали самоощущению веймарского общества и потому находили у него отклик. Э. Киттштейн и Э. В. Бекер добавляют к этому слагаемому успеха тот факт, что биография в 1920–1930 гг. с ее еще сохранявшейся относительно четкой формой, направленностью, логичностью, хронологической последовательностью событий отвечала более не удовлетворяемой

художественной литературой потребности людей в гармонии и интеграции уходящего корнями в историю индивидуума. Это в полной мере относится к биографиям Э. Людвиг, написанным в достаточно традиционной манере.

Не так велико, как хотели представить его противники, и методологическое расхождение Людвиг с современной ему историографией. В «Истории и поэзии» он отстаивает интуитивный подход к написанию истории, в соответствии с которым в основу своих биографий он клал изначально интуитивно сформированное представление о характере своего героя, которое и раскрывал далее, опираясь на исторические факты. Такой подход, с точки зрения Людвиг, не ведет к субъективизации, а напротив, дает единственную возможность приблизиться к правде, понять и слиться со своим героем, и только таким образом можно добиться подлинной исторической объективности. Такая точка зрения спорна, но она перекликается с высказываниями, звучавшими в теоретических работах историков того периода. Так, например, П. Вегвиц в «Письме о биографическом романе» писал: «Биограф должен не ограничиваться простой передачей фактов, а быть толкователем и проливать свет на неизвестное»¹⁶. Мнение Людвиг о невозможности полной объективности, неизбежности влияния эпохи, в которую пишется книга, необходимости не просто передать факты, но и их толкования находит параллели и в других теоретических работах по истории¹⁷.

Задача проникновения во внутренний мир героя биографии, слияния с ним была для Людвиг одной из главных. Он считал, что биография должна обладать суггестивной силой, которая позволит читателю почувствовать в изображаемое, даст ему возможность как бы лично присутствовать и участвовать в поступках протагониста и даже его мыслях¹⁸. В своих биографиях Людвиг стремился не к научной ясности и проверяемости, а к «живой» непосредственности и созданию максимально прямого доступа к интуитивно открытой реальности исторических событий и исторической фигуры, к созданию для читателя эффекта присутствия.

М. Лонгэйкер на основании статей и автобиографических книг Людвиг выделяет несколько подготовительных стадий его работы над биографией: выбор объекта; изучение прижизненных портретов, фотографий, посмертных масок; создание основанного на интуиции представления об объекте; изучение материалов. Людвиг принципиально не обращался к вторичной литературе о своем герое и так высказался об этом в автобиографической книге «Подарки жизни» (1931): «Изучение документов кажется мне индивидуальной работой, которой нельзя научиться ни на одном историческом семинаре, только из жизни и изучения людей. <...> надеяться пробиться в центр можно, только отодвинув в сторону все, написанное до тебя об этом предмете»¹⁹. Иными

словами, непредвзятый, свежий взгляд на проблему Людвиг считал важнее подробного изучения вторичных источников. Поэтому при работе он ограничивался уже существующим общеизвестным жизнеописанием и строго очерченным кругом материалов, куда относились, в первую очередь, уже упомянутые выше портреты будущего героя биографии, письма, записи разговоров и дневники²⁰. Активно используя эти источники, Людвиг часто превращает цитаты из них в прямую или несобственно прямую речь персонажей, не закавычивая и не расставляя сноски. Это снижает научную ценность книг, но зато придает тексту яркость и наглядность. Сам Людвиг неоднократно подчеркивал это стремление к яркости и образности, называя свои биографии «картинами» и «портретами»²¹.

В соответствии с этим стремлением строится и композиция книг. Э. Киттштейн отмечает, что повествование явно ориентируется на классическую пятиактную трагедию. По своей форме это сценичный рассказ, ряд напряженных эпизодов с запоминающимся расположением фигур, называемых Людвигом «символическими сценами». Сам биограф считал, что ему много дал опыт драматурга, а критикам быстрота смены эпизодов напоминала кинематограф²². «Символические сцены» – это преимущественно исторические анекдоты, а исторические события подробно показаны писателем только в том случае, если их можно представить в виде такого рода яркой сцены.

Для структуризации материала Людвиг активно использует прием противопоставления, подчас плакатно упрощенного, но яркого. Конфликты представлены им как драматические конфронтации пластически изображенных фигур. В личности протагониста также выделяется и подчеркивается один основной внутренний конфликт (гения и демона у Гете, мечтателя и математика у Наполеона, военного по обязанности и реально не способного к службе человека у Вильгельма II). Причем характер подается в статике, как нечто раз и навсегда определенное и неизменное, и выделенный конфликт проходит красной нитью через все повествование, через все поступки героя.

С. Ульрих подчеркивает, что Людвигу благодаря его технике удалось достучаться даже до далеких от политики людей, отмечает его легкий, «натренированный журналистикой» стиль²³, сделавший доступным для масс прежде элитарное знание. М. Лонгэйкер строже судит художественные качества биографий Людвиг: «Он не художник, но хороший коммерческий иллюстратор с неумеренной склонностью к драматизму», но признает его заслуги как психолога.

После Второй мировой войны имя Людвиг вскоре оказалось забыто. В 1960-х гг. некоторые его книги были переизданы, но не вызвали большого интереса. С. Ульрих называет несколько причин столь скорого забвения. В послевоенные

годы неоромантический стиль Людвиг потерял свою актуальность. Опыт тоталитаризма и достижения социальных наук заметно снизили значимость психологических биографий Людвиг о «великих людях». На протяжении 1930-х гг. в Германии сформировался резко отрицательный образ писателя, а в эмиграции Людвиг выступал с достаточно жесткой критикой немецкого национального характера, что тоже вызывало недовольство его соотечественников. Кроме того, Людвиг писал очень быстро, порой выпуская книги с промежутком менее года, и подобная плодовитость успела утомить публику. К. Грандман указывает также на то, что самые известные из биографий Людвиг были тесно связаны с политической ситуацией межвоенного времени и не могли быть приняты с тем же интересом в эпоху Аденауэра. Х.-Й. Перрей подчеркивает, что Людвиг был и хотел быть писателем своего времени.

В поле зрения исследователей Э. Людвиг снова оказался уже в конце 1970-х гг., с усилением в немецкоязычном пространстве интереса к самому жанру биографии, долгое время остававшемуся без теоретического осмысления. Наибольшее внимание вызвали феномен «исторической беллетристики» как таковой, подробно изученный в начале 1990-х гг.²⁴, и сопоставление жизни и творчества Э. Людвиг и Ст. Цвейга²⁵. Работы последних лет отмечены большим интересом уже к индивидуальным особенностям биографий Людвиг²⁶. На русском языке издаются переводы наиболее известных биографий Людвиг, но посвященных этому автору работ на данный момент не существует.

Примечания

- 1 Ulrich S. «Der fesselndste unter den Biographen ist heute nicht der Historiker»: Emil Ludwig und seine historischen Biographien // *Hardtwig W., Schütz E. H., Becker E. W. Geschichte für Leser: populäre Geschichtsschreibung in Deutschland im 20. Jahrhundert.* Stuttgart, 2005. S. 35.
- 2 См.: Kolb E. «Die Historiker sind ernstlich böse». Der Streit um die «historische Belletristik» in Weimarer Republik // *Angermann E., Finzsch N., Wellenreuther H. Liberalitas.* Stuttgart, 1992. S. 72.
- 3 Цит. по: Perrey H.-J. «Der Fall Emil Ludwig» – Ein Bericht über eine historiographische Kontroverse der ausgehenden Weimarer Republik // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht.* Jg. 43, heft 3, März 1992. S. 178.
- 4 См.: Roden J. Stefan Zweig and Emil Ludwig // *Sonnenfeld M. Stefan Zweig: The World of Yesterday Humanist Today.* Albany, 1983. P. 237.
- 5 См.: Becker E. W. Biographie als Lebensform. Theodor Heuss als Biograph im Nationalsozialismus // *Hardtwig W., Schütz E. H., Becker E. W.* Op. cit. S. 74–75; Ulrich S. Op. cit. S. 35–56.
- 6 Цит. по: Kolb E. Op. cit. S. 73.
- 7 Цит. по: Perrey H.-J. Op. cit. S. 172.
- 8 См.: Ibid. S. 169.

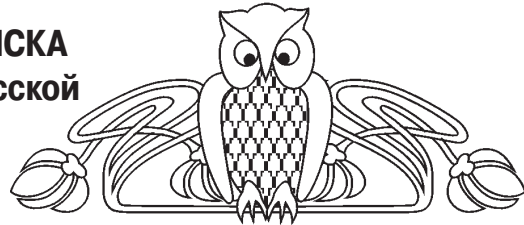
- ⁹ См. об этом: *Ibid.* S. 173.
¹⁰ См.: *Kolb E.* Op. cit. ; *Perrey H.-J.* Op. cit. ; *Koessler T.* Zwischen Milieu und Markt. Die populäre Geschichtsschreibung der sozialistischen Arbeitsbewegung 1890–1933 // *Hardtwig W., Schütz E. H., Becker E. W.* Op. cit. S. 259–286.
¹¹ Цит. по: *Kolb E.* Op. cit. S. 82.
¹² См. об этом: *Kolb E.* Op. cit. S. 82 ; *Ulrich S.*, Op. cit. S. 48.
¹³ См.: *Ulrich S.* Op. cit. S. 45 ; *Gradmann C.* Historische Belletristik: populäre historische Biographien in der Weimarer Republik. Frankfurt/Main ; N. Y., 1993. S. 56.
¹⁴ См. об этом: *Ulrich S.* Op. cit. S. 46.
¹⁵ См.: *Kittstein U.* «Mit Geschichte will man etwas»: historisches Erzählen in der Weimarer Republik und im Exil (1918–1945). Würzburg, 2006. S. 143–144.
¹⁶ Цит. по: *Ibid.* S. 121.
¹⁷ См. об этом: *Ibid.* S. 126–127.
¹⁸ У М. Лонгэйкера такая претензия Людвигу на спо-

- собность вжиться во внутренний мир столь разных личностей, как Гете или Наполеон, на всех стадиях их развития вызвала скепсис и упрек в шарлатанстве (см.: *Longaker M.* Contemporary Biography. Philadelphia, 2007. P. 140).
¹⁹ Цит. по: *Scheuer H.* Kunst und Wissenschaft: Die moderne literarische Biographie // *Biographie und Geschichtswissenschaft: Aufsätze zur Theorie und Praxis biograph. Arbeit /* hsgb. von G. Klingenstein, H. Lutz, G. Stourzh. München ; Oldenbourg, 1979 (Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit, Bd. 6). S. 97.
²⁰ См. об этом: *Gradmann C.* Op. cit. S. 129.
²¹ См. *Kittstein U.* Op. cit. S. 136.
²² См. *Perrey H.-J.* Op. cit. S. 175.
²³ *Ulrich S.* Op. cit. S. 52.
²⁴ *Kolb E.* Op. cit. ; *Ulrich S.* Op. cit. ; *Gradmann C.* Op. cit. и др.
²⁵ См. об этом: *Roden J.* Op. cit. ; *Scheuer H.* Op. cit.
²⁶ См. об этом: *Ulrich S.* Op. cit. ; *Kittstein U.* Op. cit.

УДК 821.133.1.09+821.61.1.09

ПРУСТ – ТОЛСТОЙ – ЧЕХОВ – НАБОКОВ: ИСКУССТВО МЕТАФОРЫ КАК СПОСОБ ПОИСКА РЕАЛЬНОСТИ (на материале лекций по русской и зарубежной литературе В. В. Набокова)

Э. Р. Гусейнова

Саратовский государственный университет
E-mail: elmiraguseinova79@gmail.com

В статье сосредоточено внимание на метафорах Пруста, Толстого, Чехова, понимаемых Набоковым как способ перехода от объективной к субъективной реальности. Проводятся аналогии с представлением о реальности Набокова, нашедшем выражение в его художественном творчестве.

Ключевые слова: метафора, реальность, Набоков, Пруст, Толстой, Чехов.

Proust – Tolstoy – Chekhov – Nabokov: the Art of Metaphor As a Way of Searching For Reality (on the material of V. Nabokov's Russian and Foreign Literature Lectures Discourse)

E. R. Guseinova

The article focuses on Nabokov's understanding Proust's, Tolstoy's and Chekhov's metaphors as a way of passing from an objective to the subjective reality. The analogies with Nabokov's perception of reality expressed in his art are drawn.

Key words: metaphor, reality, Nabokov, Proust, Tolstoy, Chekhov.

Опубликованный вопреки воле Набокова лекционный курс по русской и западноевропейской литературе являет нам не только глубокое, неоднозначное прочтение мировой литературы, но и обнаруживает особенности эстетики и поэтики самого писателя, выступившего в роли читателя.

Литературоведческий метод Набокова, заключающийся в отказе от логического обоснования, категориально-терминологического языка и представляющий собой обильное цитирование и небольшие комментарии, вызвал многочисленные критические отклики с обвинениями в «некомпетентности» и «неакадемичности». Но объемное цитирование – это демонстрация и укрупнение как раз тех деталей, тех особенностей, которые важны *ему* и которые характеризуют *его* эстетические пристрастия: «Стараясь передать *мое* отношение к искусству Гоголя, я не предъявил ни одного ощутимого доказательства его ни на что не похожей природы»¹. Так не будем забывать, что лекционный курс – это, прежде всего, код к Набокову, это представление мировой литературы через призму *его видения*.

Лекция о Прусте заканчивается Набоковым цитатой из романа «Обретенное время», суть которой поразительно схожа с его идеями, высказанными в многочисленных интервью, что объективной реальности не существует: «Сознательная память лишь воспроизводит “цепь приблизительных впечатлений”, не сохранивших ничего действительно пережитого нами, которые и составляют для нас нашу мысль, нашу жизнь, реальность, и только эту вот ложь и воспроизводит так называемое “жизненное искусство” – как жизнь, простое и лишенное красоты, так бесплодно, так